

РОССИЯ И КИТАЙ

УДК 94

Н. А. Самойлов

РОССИЯ И КИТАЙ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.: ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Изучение истории взаимоотношений России и Китая всегда привлекало российских, китайских и западных ученых. Это объясняется тем, что отношения между двумя великими государствами-соседями были насыщены огромным количеством масштабных событий, и в различные периоды истории эти государства существенным образом влияли на судьбы всей планеты. К настоящему времени накоплен богатый опыт в области изучения истории отношений России и Китая, предложены различные теоретические подходы и методики их исследования. Однако эти результаты и достижения касаются прежде всего изучения межгосударственных отношений: вопросов дипломатии, становления государственной границы, политических отношений и т.д. На этом пути достигнуты поистине впечатляющие результаты.

В современном отечественном китаеведении в данном направлении наиболее активно и плодотворно работает академик РАН В.С. Мясников. Изучая ранний период истории отношений Русского государства и империи Цин, В.С. Мясников разработал новую теоретическую концепцию и предложил рассматривать политику Цинской империи в отношении России с позиций «стратегемности», что позволило ему осуществить глубокий анализ цивилизационных основ внешней политики и дипломатии Цинской империи.

В.С. Мясников отмечает, что «стратегемность есть сумма дипломатических и военных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного стратегического плана, обеспечивающих решение кардинальных задач внешней политики государств. Стратегемная дипломатия — дипломатия, обеспечивающая реализацию стратегемы и черпающая средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства» [1, с. 50–51]. Тем самым автор отметил принципиальное отличие подходов цинской дипломатии к выработке принципов своей внешней политики и впервые обратился к изучению социокультурного фактора в истории отношений Китая и России.

Академик В.С. Мясников также привлек внимание к проблеме типологизации взаимосвязей России и Китая, отметив, что «при установлении отношений двух стран естественно сложилась своеобразная система координат, в которой горизонтальную линию образовывали европейские традиции и методы, а вертикальную — китайские. В результате взаимодействие сторон формировалось как вектор развития, получилась третья линия, вобравшая в себя элементы того и другого подходов» [2, с. 448].

Очень важным в методологическом отношении следует признать его вывод о том, что «взаимодействие России и Китая по формационным характеристикам относится к однотипному, а по цивилизационным — к смешанному виду межгосударственных связей» [2, с. 451].

Ряд интересных и перспективных методологических подходов содержится также в работах известного отечественного китаеведа А.Д. Воскресенского. В своих исследованиях он теоретически разрабатывает концепцию *многофакторного равновесия* и ставит ее во главу угла конструируемой им парадигмы. По его мнению, данная концепция позволяет производить анализ динамики и преемственности межгосударственных отношений в исторической перспективе. А.Д. Воскресенский отмечает, что «предлагаемый концептуальный подход дает возможность пронаблюдать взаимную динамику различных факторов в исторической перспективе, а следовательно, увязать прошлое и настоящее, что чрезвычайно трудно сделать в чисто историческом исследовании» [3, с. 14]. Опираясь на данную теоретическую основу, А.Д. Воскресенский в своих монографиях сумел переосмыслить многие сущностные вопросы отдельных периодов истории взаимоотношений России и Китая и интерпретировал историю отношений двух стран на основе предложенного им нового научного инструментария.

А.Д. Воскресенский также представляет критический анализ различных подходов к изучению истории международных отношений. Он подвергает рассмотрению функционализм, системную теорию, либерализм, реализм и т.д., отмечая при этом необходимость учитывать состояние и уровень культуры при разработке концепций истории и теории взаимоотношений государств. А.Д. Воскресенский противопоставляет подходу так называемых «неореалистов», полагающих, что государства не имеют функциональных различий и всего лишь стремятся оптимизировать свою полезность, позицию сторонников концепции «стратегической культуры», претендующих на ниспровержение антиисторичной и внекультурной концепции «неореалистов» и утверждающих, что элиты, социализированные в различных стратегических культурах, принимают различные решения. Согласно этой концепции, элиты могут принимать разные решения не потому, что они находятся в разных ситуациях, а потому, что они принадлежат к разным культурам. Однако, по мнению А.Д. Воскресенского, указанный культурологический подход имеет ряд серьезных недостатков, в частности, «не позволяет объяснить расхождение между стратегической культурой и фактическим поведением» [3, с. 93].

Таким образом, имеющиеся в настоящее время результаты исследований и предлагаемые теоретические подходы позволяют говорить о том, что изучение российско-китайских отношений возможно не только в русле традиционной парадигмы истории межгосударственных отношений, но и с позиций сопоставления воздействия на них социокультурных факторов. В ряде опубликованных нами работ уже была предложена и подробно рассмотрена возможность изучения и анализа истории отношений России и Китая в XVII — начале XX вв. с точки зрения взаимодействия двух социокультурных суперсистем, а также разработан теоретический подход к периодизации истории дан-

ного процесса [4; 5]. В настоящей статье мы остановимся на характеристике некоторых форм и этапов указанного процесса.

Как отмечалось, *стадия индифферентного взаимодействия* в истории российско-китайских социокультурных контактов приходится на период, предшествующий XVII в. В ту эпоху контакты между русскими и китайцами носили лишь эпизодический характер, отсутствовали устойчивые коммуникационные каналы. Не было социальных, политических, культурных или хотя бы торговых стимулов для развития подобного рода связей.

Стадию идентификации можно отчетливо проследить на протяжении XVII столетия. Первые русские посольства в Китай и первые контакты между людьми убедительно показали глубокие различия двух социумов и культур. В этой ситуации можно с уверенностью говорить о том, что именно дипломатические миссии объективно играли роль посредников между двумя принципиально разными социокультурными суперсистемами, становясь трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия двух цивилизаций. На этой стадии происходит процесс узнавания иной социокультурной системы. Развивающиеся государственно-политические, дипломатические, торгово-экономические связи приводят к непременно возникающей потребности лучше узнать и понять партнера, с которым имеешь дело.

Стадия идентификации завершается в начале XVIII в. Ключевым пунктом здесь, как нам представляется, становится Кяхтинский договор, предопределивший характер российско-китайских отношений на длительную историческую перспективу. С этого момента процесс социокультурного взаимодействия России и Китая вступает в *стадию активации*.

В XVIII в. благодаря договору, заключенному в Кяхте, огромное значение которого в настоящее время признается российскими, китайскими и многими западными историками, коммуникационным каналом российско-китайского социокультурного взаимодействия становится торговля, способствовавшая распространению как в России, так и в Китае элементов материальной и духовной культуры соседних стран, а своеобразным аттрактором, в котором происходил процесс формирования коммуникационного кода того времени, следует признать Кяхту, где на протяжении десятилетий фокусировался процесс социокультурного взаимодействия двух стран.

Следует отметить, что основным товаром, ввозившимся русскими в Китай, была традиционная для российского экспорта того времени «мягкая рухлядь» (пушнина). Ввоз большого количества пушнины создавал в Китае весьма своеобразный стереотип Русского государства как страны холодной, где для того, чтобы согреться, активно пользуются мехом; страны, в которой много лесов и диких зверей. На это обращает внимание в своей монографии китайский историк Инь Цзяньпин [6].

На этой же стадии мы также можем отчетливо проследить начало процесса перенимания взаимного опыта, возрастание интереса к научным, техническим и культурным достижениям друг друга, хотя при этом можно вполне согласиться с мнением современного китайского историка Ли Суйяня, который указывает на то, что в это время в России имел место своеобразный «китайский бум», а в Цинской империи нашей страной интересовались гораздо меньше. В Россию в большом количестве проникали произведения китайского искусства, переводились произведения китайских философов, в Петербурге и других городах началось преподавание китайского языка. Ли Суйянь считает, что «китайский бум» явился отражением интереса к Китаю и стремления к его познанию, которые российское общество испытывало в то время [7].

Уже на первых этапах российско-китайского сотрудничества правительство России старалось использовать дипломатические и торговые контакты между двумя странами для изучения научных и технических достижений китайцев, а также их успехов в ремесле и искусствах. Во время первой поездки личного представителя императора Петра Великого Лоренца Ланга в Пекин царь поручил ему приобрести там фарфоровые изразцы для комнатной печи с целью украсить ими новый дворец [8, с. 36–37].

Первые попытки непосредственного заимствования китайского опыта и изучения в Пекине китайских ремесел в целях распространения этих достижений в России также относятся ко времени поездок Л. Ланга в цинскую столицу. В 1735 г. серебряных дел мастер Осип Мясников под фамилией Маслова был направлен в Китай с караваном Ланга «для изучения китайских художеств» [9, л. 1403–1409]. И хотя очевидных практических результатов эта поездка дать не смогла, Мясников-Маслов сумел собрать любопытную информацию и отметил в своем отчете, что ему удалось узнать некоторые сведения о китайских ремеслах: «как красной меди прибавляют тягость или дают золото, как они из бараньих и прочих рогов делают фонари, как из крепких камней всякие фигуры и сосуды вырезают. Из чего делается белая медь, как всякие ломаны порцелановые сосуды железными скобами сковывать» [10, л. 1514–1516].

14 октября 1737 г. последовал указ императрицы Анны Иоанновны советнику Лоренцу Лангу о разрешении сыну управляющего Нерчинскими заводами П. Дамеса остаться в Китае «для обучения разделению серебра от золота и резанию крепких материалов» [11, л. 1]. Императрица также высказала пожелание о направлении в Китай еще одного ученика. Степан Дамес успешно овладел многими навыками, и в 1738 г. последовало донесение Л. Ланга о результатах его поездки и изучении «китайских приемов получения золота и серебра из руд» [10, л. 1564–1567]. Важно также то, что к торговому каравану Ланга в 1735 г. были приписаны для изучения «торговли с Китаем и обычаев» два специально подобранных для этих целей человека: Л. Семенников и англичанин Рандольф Маркваринг [12, л. 1274–1277].

Поощрение российским правительством ввоза шелковых тканей из Китая вызвало в России процессы социокультурного порядка. Во-первых, это повлекло за собой появление моды на китайский шелк, а потом и привычки носить одежду из него. Шелк стал популярен в среде не только российской знати, но и купечества, а в Сибири — и зажиточного крестьянства. Во-вторых, под влиянием спроса на шелковые ткани в России стало быстро развиваться собственное шелковое производство. К 1761 г. в различных городах уже активно функционировали 40 фабрик по производству шелковых тканей с капиталом в 459 000 руб. [13, с. 171]. В свою очередь развитие фабричного производства шелка в России привело к активизации закупок в Китае шелка-сырца.

Сближение русских и китайцев происходило и на уровне языка делового общения. В процессе торговых контактов в Кяхте и соседнем с ней китайском Маймайчэне возникает особый язык общения: маймайчэнское (кахтинское) наречие — первый вариант русско-китайского пиджина, распространявшегося и в дальнейшем по мере расширения контактов русского и китайского населения в приграничной зоне [14].

Кяхта и Маймайчэн, на протяжении почти двух столетий представлявшие своеобразное социокультурное двуединство, симбиоз элементов русской и китайской культур, являют собой наиболее яркий пример взаимодействия и взаимовлияния двух стран в рассматриваемый исторический период. Процессы, происходившие в рамках данного взаимодействия, в свою очередь, способствовали формированию нового геокультур-

ного пространства, расширявшегося по мере развития российско-китайских связей. Дошедшие до нас описания Кяхты (Троицкославска) и Маймайчэна, сделанные в различные периоды их истории, позволяют реконструировать специфические особенности данного симбиоза.

Еще один пример внедрения существенного элемента китайской культуры в российскую повседневную жизнь — распространение в России китайского чая и превращение его в поистине русский национальный напиток.

С конца XVIII в. среди товаров, приобретаемых русскими у китайцев, значительно увеличивается доля чая, постепенно становившегося все более важной статьёй китайского экспорта в целом. Чай впервые попал в Россию в XVII в. и первоначально употреблялся лишь при царском дворе в качестве лекарства. В XVIII в. он стал поступать через Сибирь все большими партиями и к концу века превратился в достаточно распространенный в России напиток. Сибиряки предпочитали употреблять черный прессованный из чайной крошки плиточный («кирпичный») чай, который относился к дешевым сортам. Зеленый чай находил спрос у калмыков, казахов, киргизов и некоторых других народов Российской империи. В европейской части России стал пользоваться популярностью черный байховый чай. К чаю постепенно привыкла не только русская знать, но и простое население. К первой половине XIX в. чай занял ключевое место среди китайских товаров, обменивавшихся в Кяхте и Маймайчэне. Из общей стоимости импортировавшихся китайских товаров в 1825 г. на долю чая приходилось 87,8%, а к середине XIX в. на него падало уже 95% стоимости русского ввоза через Кяхту [15, с. 199, 209]. Постепенно возрастало количество более дорогих сортов. В 1840-х гг. около 2/3 всего импортируемого чая стал составлять байховый чай, пользовавшийся все большей популярностью в Европейской России.

Любопытно описание чайной торговли на знаменитой Нижегородской ярмарке, сделанное маркизом де Кюстином, путешествовавшим по России в 1839 г.: «Начнем с чайного города. Это азиатский стан у самого слияния обеих рек, на вершине треугольника. Чай идет в Россию из Китая через Кяхту, отсюда его везут в тюках кубической формы. Эти цыбики представляют собой обтянутые кожей рамы, каждое ребро которых длиной около двух футов. Покупатели протыкают кожу особыми щупами, чтобы узнать качество товара. Из Кяхты чай транспортируется сухим путем до Томска. Там он перегружается на баржи и путешествует дальше по разным рекам до Тюмени, откуда снова сухим путем идет до Перми, оттуда он по Каме спускается к Волге и таким образом попадает в Нижний. В Россию ежегодно возится от 75 до 80 тысяч ящиков чая, из которых половина остается в Сибири и зимой доставляется санным путем в Москву, а другая половина попадает на Нижегородскую ярмарку» [16, с. 631]. Особенно поразило французского маркиза значение цены на чай в торговой системе Нижегородской ярмарки: «Цена чая определяет цены всех прочих товаров. До тех пор пока цену не опубликуют, все другие сделки имеют условный характер» [16, с. 632].

Первая половина XIX в. также может быть выделена в отдельный период российско-китайского взаимодействия, во всяком случае для России. В нашей стране это было время активного осмысления китайских социокультурных реалий. Большую роль в этом процессе сыграли ученые-китаеведы, в первую очередь те, кто трудился в составе Российских Духовных Миссий в Китае. Они выступили в роли интерпретаторов китайской культуры и ее своеобразных трансляторов, способствуя формированию на российской почве принципиально нового коммуникационного кода социокультурного взаимодействия.

Огромную роль в деле расширения представлений россиян о Китае и пробуждения у российской интеллектуальной элиты интереса к великому соседу (без чего культурный диалог просто не мог бы состояться) сыграл выдающийся русский китаевед, начальник 9-й Российской Духовной Миссии в Китае архимандрит Иакинф (Бичурин). Под его влиянием начали появляться сочинения, авторы которых пытались осмыслить общее и особенное в развитии России и Китая, старались раскрыть общность исторической судьбы двух народов. Общение отца Иакинфа (Бичурина) с выдающимися деятелями российской культуры способствовало созданию позитивного образа Китая в сознании интеллектуальной элиты российского общества. Китайская тема становится неотъемлемой частью политических дискуссий и философских диспутов.

Дело знакомства российской общественности с культурой Китая, успешно начатое отцом Иакинфом (Бичуриным), продолжили его преемники на посту начальника Российской Духовной Миссии в Пекине архимандриты Петр (Каменский) и Палладий (Кафаров).

Существенным элементом развития диалога культур России и Китая стало распространение естественнонаучных и в первую очередь медицинских знаний. В России заинтересовались китайской медициной еще в XVIII в. В Китай российские медицинские знания стали проникать с появлением в составе Российской Духовной Миссии русских врачей. Первым среди них был О.П. Войцеховский (1793–1850), отправившийся в Китай в составе 10-й Духовной миссии (1821–1830). Китайцы поначалу скептически относились к методам европейской медицины, применявшимся врачом Российской Духовной Миссии, но постепенно, видя эффективность лечения, они потянулись к русскому доктору. За помощью к нему обращались как знатные особы, так и пекинские бедняки, но особенно его авторитет повысился после того, как он вылечил одного из родственников императора. Огромную работу проводил О.П. Войцеховский во время борьбы с эпидемией холеры, которая свирепствовала в Пекине в 1820–1821 гг.

14 ноября 1829 г., незадолго до отъезда О.П. Войцеховского из Пекина, благодарные пациенты преподнесли русскому доктору памятную доску со словами благодарности и признательности. Иеромонах Вениамин (Морачевич) писал в своем отчете о вкладе врача О.П. Войцеховского в дело повышения авторитета России и русской культуры и науки в Китае: «Одной почти его славе обязана тогдашняя миссия, что после семилетнего своего скромного уединения приведена она наконец в известность, что имя русское облагородилось китайцами до того, что значительные люди не только перестали бегать от русских, но начали искать знакомства с нами» [17, с. 196].

Вслед за О.П. Войцеховским в Пекине побывали врачи П.Е. Кирилов (активно ратовавший за выращивание чая на территории России), А.А. Татаринов (прославившийся также как ботаник, под его наблюдением неизвестный китайский художник изготавил 452 акварельных рисунка с изображениями флоры Пекина), С.И. Базилевский, П.А. Корниевский (оставивший интересные записи о восстании тайпинов).

Особую роль в деле развития диалога культур России и Китая сыграли изобразительное искусство и деятельность художников Российской Духовной Миссии в Пекине. Первый профессиональный живописец появился в составе 11-й Духовной Миссии (1830–1840). Им стал А.М. Легашов (1798–1865), окончивший Академию художеств по классу портрета. Его присутствие в составе Миссии было в значительной степени вызвано стремлением русского правительства добиться большего расположения со стороны цинских придворных и чиновников. Ему было поручено рисовать портреты знатных людей, преподносить их им и тем самым способствовать укреплению взаимных

контактов двух стран [18]. Популярность А.М. Легашова в Пекине была очень большой, что отмечал иеромонах Аввакум (Честной) [19].

В дальнейшем в составе Российских Духовных Миссий в Пекине побывали еще несколько русских художников: К.И. Корсакин (12-я Миссия), И.И. Чмутов (13-я Миссия), Л.С. Игорев (14-я Миссия). Все они активно продолжили дело, начатое А.М. Легашовым, способствуя распространению в Китае методов и приемов российской живописи, а шире — внося свой вклад в развитие культурного диалога между Россией и Китаем. Благодаря их зарисовкам можно наглядно представить картины китайской жизни того времени, пекинские здания, домашнюю утварь и предметы быта китайцев, увиденные глазами русского человека. Художники также занимались изучением производства китайской туши и красок, исследовали их состав. И.И. Чмутов зарисовал и привез в Россию множество видов Пекина. Л.С. Игорев писал в основном портреты чиновников [20, с. 110, 132, 142]. Деятельность русских художников, прикомандированных к Российской Духовной Миссии, сыграла важную роль в деле знакомства россиян с реальной китайской действительностью того времени, при их участии был накоплен большой этнографический материал, ими были заложены основы изучения в России особенностей китайской живописи.

Процесс развития духовного воздействия китайской цивилизации на сознание лучших представителей российской интеллектуальной элиты можно проследить даже в творчестве Александра Сергеевича Пушкина.

А.С. Пушкин всегда высоко отзывался о научных трудах и глубоких познаниях отца Иакинфа, что, в частности, зафиксировано в тексте его «Истории Пугачева». Под влиянием Бичурина у поэта появился интерес к Китаю. В стихотворении 1829 г. он устремлял свои взоры к подножию «стены далекого Китая», а в черновиках «Евгения Онегина» упоминал «мудреца Китая» — Конфуция, который «нас учит юность уважать...». В 1830 г. А.С. Пушкин обратился с официальным прошением к А.Х. Бенкендорфу, в котором прямо писал о своем желании побывать в Китае, имея в виду направление в Пекин 11-й Духовной Миссии и научную экспедицию к границам Китая — в Кяхту, во главе которой планировали ехать о. Иакинф и барон П.Л. Шиллинг.

Интерес к Китаю и желание посетить эту страну для знакомства с ее древней культурой, появлению которых А.С. Пушкин был обязан своим встречам и беседам с отцом Иакинфом, в то же время были связаны и с некоторыми объективными обстоятельствами. В этот период великий поэт ощущал творческую необходимость осмысления и использования новых принципов изображения действительности. В российской, как и в европейской, литературе начался сложный период постепенного отказа от романтического изображения восточных реалий и перехода к попыткам более реалистического осмысления Востока. А.С. Пушкин, стремившийся в этот период как можно ближе подойти в своих произведениях к действительности, скорее всего начал размышлять о возможности представить читателям реальный Китай. О постепенно возраставшем интересе А.С. Пушкина к Востоку писала в своем дневнике его хорошая знакомая А.О. Смирнова: «Я много говорила с Пушкиным <...> затем в 1829 г. он отправился в кавказскую армию и, наконец, собирался в Китай. Я спросила его, неужели для его счастья необходимо видеть фарфоровую башню и Великую стену? Что за идея ехать смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел “Китайскую сироту”, в которой нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тени Вольтера» [21, с. 45].

Из приведенной выше цитаты можно сделать вывод о том, что на рубеже 1830-х гг. у А.С. Пушкина возникает желание написать произведение о реальной китайской жизни. Однако ввиду несостоявшейся поездки поэту, так и не увидевшему своими глазами подлинного Китая, пришлось, по-видимому, отказаться от этого намерения. Интересно, что в упомянутых воспоминаниях А.О. Осиповой присутствуют два образа-символа Китая: фарфоровая башня — символ романтического восприятия Китая в Европе и России и Великая стена — символ его вечности и незыблемости (хотя для кого-то это был символ застоя и консерватизма).

Отношение А.С. Пушкина к вопросу о необходимости более адекватного осмысления и отображения китайских реалий очень показательно. Он как никто другой в России первой трети XIX в. отражал уmonoстроения той части общества, которая наиболее остро и быстро реагировала на трансформационные процессы в социальной, политической и духовной сферах. Социокультурные подвижки внутри страны и изменение международной обстановки требовали коренного переосмысления тех образов и стереотипов, которые господствовали в предшествовавшие периоды. А.С. Пушкин, пожалуй, одним из первых отреагировал на эти перемены во многих сферах, в том числе и применительно к Китаю.

Если в России в XVIII — первой половине XIX в. уже складывается устойчивый интерес к Китаю и начинается адаптация отдельных элементов его культуры, то в Китае лишь в середине XIX в. стали появляться специальные работы, посвященные России, в которых содержались описания ее географического положения, краткие сведения об истории и современной жизни населения. Информация о России попадала к китайским авторам в основном из западных источников (переводов европейских работ на китайский язык, выполненных миссионерами, или непосредственно из книг и статей на европейских языках), поэтому часто сведения о нашей стране оказывались искаженными или же преподносились весьма тенденциозно.

Крупный китайский политический деятель Линь Цзэсюй (1785–1850), прославившийся тем, что, будучи специальным императорским эмиссаром, активно боролся с торговлей опиумом в провинции Гуандун, с энтузиазмом собирал сведения о зарубежных странах. Он известен также тем, что одним из первых в Китае заговорил о необходимости учиться у «варваров», перенимать научные и технические достижения других стран. Россия как самая крупная из соседних с Китаем держав постоянно интересовала Линь Цзэсюя.

Во время пребывания в Гуандуне в 1839–1841 гг. он написал сочинение «Элосы го цзияо» («Основные сведения о Российском государстве») [22], которое в качестве специального раздела было включено в работу «Сы чжоу чжи» («Описание четырех материков»). Этот труд о России не мог не вызвать интереса у других китайских авторов. Видный ученый Вэй Юань, внеся некоторые исправления и дополнения, включил его в свой трактат «Хайго тучжи» («Описание заморских стран с картами»). Заслуга Линь Цзэсюя состояла в том, что в своей работе он сумел познакомить читателей с историей России (хотя и изложенной с большим количеством неточностей) и административным делением Российской империи, приведя краткое описание основных губерний.

Важным источником сведений о России в Китае в этот период стали новые китайские географические сочинения. В 1848 г. увидел свет труд видного китайского политического деятеля, губернатора провинции Фуцзянь Сюй Цзияя (1795–1873) «Инхуань чжилюэ» («Краткое описание морей и суши»). Автору удалось привлечь довольно боль-

шое количество западных работ и благодаря использованию этих материалов уточнить и исправить данные китайских источников.

Существенное место в «Инхуань чжилюэ» было уделено географии и истории России. Сюй Цзюй поразил читателей тем, что Россия — это крупнейшее государство в мире, расположенное в Европе, Азии и Америке, перечислил отдельные города и местности и дал их описание. По силе и военной мощи Россия, по мнению Сюй Цзюя, могла сравниться с Британией, однако ее мощь, как он утверждал, была сосредоточена на Западе, а не на Востоке.

Сведения о древней истории России в сочинении Сюй Цзюя были представлены достаточно скудно и изобиловали неточностями и ошибками. Так, например, он утверждал, что во времена правления в Китае династии Тан (618–907) разрозненные русские племена были вассалами гуннов, но правитель русских сумел собрать все племена вместе и основать государство. Сведения о завоевании Руси монголами достаточно точны, но затем сказано, что русские изгнали монголов при помощи шведов. Об Иване Грозном говорилось, что он расширил границы Русского государства, однако «натура его была дикой, и он любил убивать» [23].

Из государственных деятелей России наибольшее внимание Сюй Цзюя привлек Петр Великий. Сюй Цзюй подробно описывал, как царь лично учил солдат и занимался ремеслами, как он строил новую столицу. В заключение рассказа об этом русском царе, автор делал вывод о том, что нынешняя военная мощь России берет свое начало с Петра.

Несмотря на имевшиеся в книге неточности и откровенные ошибки, появление в Китае подобного очерка российской истории имело весьма большое значение: китайцы практически впервые смогли на родном языке ознакомиться с историей своего северного соседа. К тому же одним из существенных достоинств труда Сюй Цзюя следует признать гораздо более точную передачу с помощью китайских иероглифов иностранных географических названий и имен. В дальнейшем китайские ученые XIX в. корректировали географические названия из сочинения Линь Цзэсюя по работе Сюй Цзюя. К тому же именно Сюй Цзюй заложил основу того пристального интереса, который проявляли в дальнейшем китайские ученые и политические деятели к личности и деяниям Петра Великого, которому суждено было стать одним из самых популярных русских правителей.

Вторая половина XIX в. стала временем усиления адаптивных функций и переходом социокультурного взаимодействия России и Китая из *стадии активации* в *стадию адаптации*. Помимо уже сложившихся коммуникационных каналов появились новые. Все больше русских стало появляться в Китае, а в Россию устремился поток китайских эмигрантов — носителей культуры государства-соседа. В роли аттрактора начинает выступать приграничная зона — *фронтир*.

Существенную роль в деле распространения российской культуры в Китае в это время играл город Харбин, построенный русскими как центр Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и ставший местом сосредоточения большого числа выходцев из России, выступавших в роли трансляторов русской культуры. Аналогичную функцию призваны были также выполнять Порт-Артур и Дальний, для которых даже вырабатывались особые правила управления и застройки по русским образцам [24]. Однако поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. не дало этому осуществиться.

В Харбине появились высшие и средние учебные заведения, созданные россиянами, в результате чего на территорию Китая была перенесена российская образовательная

модель. Стали выходить газеты и другие печатные издания на русском языке. Администрация КВЖД также инициировала выпуск газеты на китайском языке — «Юаньдун бао». В 1909 г. в Харбине было создано Общество русских ориенталистов (в том же году оно объединилось с Санкт-Петербургским обществом востоковедения и стало действовать как Харбинское отделение Общества русских ориенталистов). С июля 1909 г. началось издание его печатного органа «Вестник Азии», ставшего одним из ведущих востоковедных журналов и публиковавшего статьи как научно-теоретического, так и практического характера.

Харбин славился своей театральной и музыкальной жизнью. Там были открыты несколько театров, привлекавших большое количество зрителей. Особенной популярностью пользовался Летний театр в саду в районе Пристань, считавшийся главной сценической площадкой города. Часто организовывались гастроли драматических трупп, музыкантов и певцов из Петербурга, Москвы и других городов России. Таким образом русская театральная и музыкальная культура активно проникала на территорию Китая.

В архитектурном отношении Харбин походил на типичный российский город того времени. Вплоть до сегодняшнего дня застройка его центральной части сохраняет свой прежний облик и дух русской архитектуры начала XX в. В первой половине XX в. в Харбине и на линии КВЖД проживало как русское, так и китайское население, соседствовали культура и обычаи обоих народов. Город стал значительным промышленным, торговым и культурным центром, в котором происходило взаимодействие и взаимовлияние двух различных историко-культурных традиций. Воздействие экономики Харбина и русской культуры на социально-экономическую и духовную жизнь китайского общества по мере развития города становилось все более ощутимым.

Отметим, что историки КНР в исследованиях последних лет в отличие от предшествующего периода стремятся более взвешенно и объективно подойти к анализу места и роли русского присутствия в Харбине и на КВЖД. Очень показательно в этом отношении коллективное исследование «История русской эмиграции в Харбине», авторы которого указывают на то, что «русская промышленность стимулировала социально-экономическое развитие Харбина», «культурная деятельность русской эмиграции способствовала развитию харбинской и мировой культуры», а «революционная агитация и революционная деятельность русских эмигрантов оказали воздействие на развитие рабочего движения в Китае» [25, с. 605].

В регионе имело место и хозяйственно-экономическое взаимодействие и взаимовлияние русских и китайцев. Социокультурные контакты населения Российской и Цинской империи в Приамурском регионе восходят к XVII в., когда он становится контактной геокультурной зоной. Есть сведения о том, что некоторые виды пшеницы, выращивавшиеся в последующий период на территории Маньчжурии, происходят от сибирских сортов, завезенных в Маньчжурию русскими землепроходцами [26].

Строительство Китайско-Восточной железной дороги и появление ее экономического и культурного центра — Харбина — способствовали активизации социокультурного взаимодействия России и Китая в данной сфере.

Процесс активного восприятия русской культуры земледелия происходил по всей территории Маньчжурии. Масштабы этого влияния постоянно росли: в сельском хозяйстве внедрялись новые виды и сорта сельскохозяйственных растений, китайские крестьяне активно заимствовали эти культуры и опыт их возделывания у русских

земледельцев. В конце XIX — начале XX в. в Дунбэе становятся популярными русские сорта картофеля, помидоров, огурцов, белокочанной капусты. В повседневном рационе китайцев появились русские огородные растения: репчатый лук, брюква, петрушка, укроп, хрен. Была акклиматизирована рожь — культура до того времени совершенно неизвестная местным жителям. Распространились посевы льна, что было стимулировано производством тканей, популярных среди европейского населения Маньчжурии [26].

Появление такой технической культуры, как хмель, было тесно связано с началом производства знаменитого в дальнейшем харбинского пива, датой начала производства которого принято считать 1900 г.

В Харбине стали выпекать и продавать русский хлеб, к употреблению которого постепенно пристрастились и китайцы. В это время в разговорный язык китайских жителей Харбина вошло употребляемое и сегодня слово *леба* — «хлеб» (вместо повсеместно используемого в Китае слова *мяньбао*), а маленькие булочки по сей день называют *сайкэ*.

Но особенно большое значение для экономики Северо-Восточного Китая имело начало возделывания в этом регионе сахарной свеклы. Сегодня Присунгарийский район известен своими свекловичными плантациями, а Харбин и близкие к нему уезды Ачэн и Хулань являются признанными центрами производства свекловичного сахара. Начальный импульс к созданию маньчжурской сахарной промышленности был дан русскими предпринимателями, построившими в 1908 г. два первых сахарных завода: в городе Ачэн и уезде Хулань. Русские агрономы произвели первые опытные посадки свеклы, которые принесли хорошие урожаи. Так было положено начало совершенно новым тенденциям в экономической и социокультурной жизни Маньчжурии.

Соприкоснувшись с русскими переселенцами, некоторые китайцы стали употреблять в пищу молоко и молочные продукты, следствием чего стало разведение молочных пород крупного рогатого скота, что, в свою очередь, стимулировало в дальнейшем возникновение на Северо-Востоке Китая новых отраслей хозяйства — молочного животноводства и мясо-молочной промышленности.

Существенную роль в деле распространения на Северо-Востоке Китая принципиально новых сельскохозяйственных технологий, современных машин и механизмов, а также проведения просветительской работы среди сельского населения сыграло Маньчжурское сельскохозяйственное общество, созданное в 1912 г.

Особую роль в формировании представлений о России в Китае сыграли переводы русской художественной литературы на китайский язык. Многие представители китайской интеллигенции были увлечены гуманистическими идеями русских писателей (Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и др.). Таким образом, в сознании части китайского общества начинает формироваться романтизированный образ русского народа, практически не отождествлявшийся со сложившимся во время подавления восстания ихэтуаней стереотипом России как агрессивного соседа. Эти два образа сосуществовали параллельно и практически не соприкасались.

Первыми произведениями русской литературы, переведенными на китайский язык, были три басни И.А. Крылова («Щука», «Собачья дружба» и «Лисица и сурок»), изданные в 1900 г. в переводе с английского. Явления, осмеянные великим русским баснописцем, были характерны и для тогдашнего китайского общества (особенно это относится к всевластию бюрократии и коррупции).

В 1903 г. Цзи Ихуэй перевел с японского первое произведение А.С. Пушкина — повесть «Капитанская дочка». Можно высказать предположение, что выбор повести не

был случайным, так как жизненные принципы и поведение ее героев вполне соответствовали конфуцианским представлениям о долге и нормах поведения, о взаимоотношениях между старшими и младшими, между государем и подданными.

В 1907 г. отдельными книгами были выпущены «Бэла» М.Ю. Лермонтова и «Черный монах» А.П. Чехова. Стали переводиться сочинения Л.Н. Толстого, который воспринимался в Китае прежде всего как проповедник морально-нравственного учения и чем-то походил на конфуцианского или даосского мудреца. Известна переписка великого русского писателя с китайским ученым Гу Хунмином (Ку Хунмином) [27; 28; 29].

В первом десятилетии XX в. китайские читатели также смогли познакомиться с произведениями Л. Андреева, М. Горького, А. Толстого и других русских писателей.

Большое значение в деле знакомства китайского читателя с реалиями российской жизни имел выход в свет в 1905 г. романа Цзэн Пу «Цветы в море зла», действие которого частично происходило в России. В этом произведении звучали имена Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена. Цзэн Пу также описал деятельность русских революционеров.

В оппозиционной цинскому режиму периодике («Минь бао», «Синьминь цунбао») возник более сложный образ России. Китайские революционеры (Сунь Ятсен, Сун Цзяожэнь, Чжу Чжисинь) и либеральные деятели (например, Лян Цичао) с большой симпатией относились к нараставшему в России революционному движению, осуждали политику самодержавия, высоко оценивали некоторые черты русского национального характера [30; 31; 32]. В китайской революционной прессе проводились прямые параллели между общественно-политическим строем России и Китая, предлагалось учиться у русских революционной борьбе. Вместе с тем круг читателей подобных изданий был весьма ограниченным, хотя они и представляли очень активную часть общества.

В заключение можно сделать вывод о том, что на всех этапах социокультурного взаимодействия России и Китая в XVIII — начале XX в. прослеживается активный характер взаимовлияния двух культур. Важны не столько масштабы этого взаимодействия, сколько его постоянное развитие и углубление. Рост взаимного интереса представителей двух народов друг к другу способствовал созданию основы для последующего сближения российской и китайской культур в XX–XXI вв.

Литература

1. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
2. Мясников В. С. Историко-культурные особенности взаимодействия России и Китая // Мясников В. С. Квадратура китайского круга : Избранные статьи: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1.
3. Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
4. Самойлов Н. А. К вопросу о теоретических основах изучения социокультурного взаимодействия // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция. СПб., 4–6 апреля 2006 г. : Доклады и материалы. СПб., 2007. С. 116–128.
5. Самойлов Н. А. Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г.: методологические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009. Вып. 1. Ч. 2. С. 209–214.
6. Инь Цзяньпин. Цзаоцидэ Сиболия дуйвай цзинци лянсьи (Внешнеэкономические связи Сибири в ранний период). Харбин, 1998.

7. Ли Суйань. Хунлю юй сицзянь: Чжун Э вэньхуа цзяолю дэ бупинхэн вэньти (Бурный поток и маленький ручеек: проблемы дисбаланса во взаимодействии культур России и Китая) // Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфэн, 2004. С. 117–132.

8. Пан Т. А., Шаталов О. В. Архивные материалы по истории западноевропейского и российского китаеведения. Воронеж, 2004.

9. ЦГАДА. Ф. 159а. Оп. 4. Д. 485а.

10. ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1102.

11. РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 91.

12. ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 164.

13. Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882.

14. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск, 2007.

15. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.

16. де Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 421–660.

17. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

18. Нестерова Е. В. Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства (новые архивные материалы) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С. 127–133.

19. Наша китайская миссия полвека назад: Письмо А. Честного из Пекина // Русский архив. 1884. № 5. С. 155.

20. Краткая история Русской Православной миссии в Китае. Пекин, 1916.

21. Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. Т. 1.

22. Линь Цзэсюй. Основные сведения о Российском государстве / Пер. с кит., вступит. статья и коммент. С. Ю. Врядия. Владивосток, 1996.

23. Сюй Цзюй. Ин хуань чжи люэ (Краткое описание морей и суши). Фучжоу, 1848.

24. Самойлов Н. А. Российские планы организации управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 144–150.

25. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. Хаэрбин Эцяо ши (История русской эмиграции в Харбине). Харбин, 2003.

26. Белоглазов Г. П. Русский фактор в сельскохозяйственном комплексе Маньчжурии (10–20-е годы XX в.) // 27-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1996. С. 143–146.

27. Толстой Л. Н. Письмо к китайцу (окт. 1906 г.). М., 1907.

28. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М., 1960.

29. Соломин Г. С. К анализу взглядов Ку Хунмина // Китай: традиции и современность. М., 1976. С. 153–167.

30. Лян Цичао (Чжунго чжи Синьминь). Элосы гэмин чжи инсян (Влияние русской революции) // Синьминь цунбао. 1905. № 13. С. 25–35; № 14. С. 47–54.

31. Сун Цзяожэнь (Цян Чжай). И цян цзю бай лин у нянь Луго чжи гэмин (Русская революция 1905 года) // Минь бао. 1906. № 3. С. 1–9; № 7. С. 63–74.

32. Ху Ханьминь (Цюй Фэй). Эго лисянь хоу чжи цинсин (Ситуация в России после введения конституции) // Минь бао. 1906. № 6. С. 110–117.